

А.С. МЕДЯКОВ

ГРАФ БОЙСТ: ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ ГЛАВНОГО ПРОТИВНИКА БИСМАРКА

Читателям русской классической литературы имя Фридриха Фердинанда фон Бойста (1809–1886) знакомо едва ли не лучше, чем многим отечественным историкам. Это о нем читает в газете Стива Облонский, что позволяет герою набоковского “Пнина” точно датировать начало времени действия романа “Анна Каренина” – 23 февраля 1872 г.; агентом Бойста представляется главный персонаж из “Дневника провинциала в Петербурге” М.Е. Салтыкова-Щедрина; о нем говорят Городулин и Мамаева в пьесе А.Н. Островского “На всякого мудреца довольно простоты”.

Литературная известность Бойста была следствием значительной роли, которую он играл в европейской политике. Министр иностранных дел Саксонии, один из видных деятелей Германского союза, рейхсканцлер Австро-Венгрии, он имел к тому же заслуженную славу главного германского противника Бисмарка; “величайшим врагом России” называл его Александр II¹. Будучи заметной фигурой для современников, Бойст оказался не обойденным и вниманием западных историков, на протяжении десятилетий посвящавших ему статьи, диссертации и монографии². Бойст предстает то “оппортунистом”³; то человеком “умным и хитрым, считавшим себя способным посостязаться с Бисмарком”⁴; то бессильным и неумелым “мастером на все руки”⁵.

Деятельность Бойста измеряется несколькими масштабами: саксонским, германским, австрийским и европейским. Бойст был активным противником О. фон Бисмарка, предложившим альтернативное прусскому видение германского единства. В австрийский период деятельности Бойст сыграл решающую роль в превращении империи Габсбургов в Австро-Венгрию – единственную в своем роде двуединую монархию. С этих новых австрийских позиций Бойст вновь противопоставил себя политике Бисмарка, но в итоге был вынужден осуществить переориентацию австрийской политики, взяв курс на тесную связь с Германской империей, которого монархия Габсбургов придерживалась до и во время Первой мировой войны.

Медяков Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

¹ *Beust F.* Aus Drei-Viertel Jahrhunderten. Erinnerungen und Aufzeichnungen. Bd.1, 2. Stuttgart, 1887; Bd. 2, S. 423.

² *Kónyi E.* Beust und Andrassy. – *Deutsche Revue*, 1890, № 4–5; *Schoenhals K.P.* The Russian Policy of Count Friedrich Ferdinand von Beust 1866–1871. Rochester, 1964; *Krebs B.* Die westeuropäische Pressepolitik der Ära Beust (1865–1871). Göppingen, 1970; *Rumpler H.* Die deutsche Politik des Freiherrn von Beust 1848 bis 1850. Wien, 1972; *Lutz H.* Österreich-Ungarn und die Gründung des Deutschen Reiches: Europäische Entscheidungen 1867–1871. Frankfurt a. M., 1979; *Flöter J.* Beust und die Reform des Deutschen Bundes 1850–1866. Sächsisch-mittelstaatliche Koalitionspolitik im Kontext der deutschen Frage. Köln – Weimar – Wien, 2001.

³ *Gall L.* Bismarck. Der weiße Revolutionär. Frankfurt a.M., 1980, S. 409.

⁴ *Tapié V.-L.* Autour d’une tentative d’alliance entre la France et l’Autriche 1867–1870. Wien, 1971, p. 8.

⁵ *Lutz H.* Österreich-Ungarn, S. 20.

При значительной роли Бойста в европейской политике, недостаточное внимание к нему в отечественной историографии⁶ воспринимается как досадная случайность. Данный очерк призван частично восполнить этот пробел.

Барон (с 1868 г. – граф) Фридрих Фердинанд фон Бойст родился 13 января 1809 г. в Дрездене. Он получил домашнее образование, которое продолжил сначала в одной из привилегированных школ саксонской столицы, а затем в Гёттингенском и Лейпцигском университетах. В 1832 г. Бойст поступил на службу в министерство иностранных дел Саксонии и, побывав в течение следующего полутора десятка лет на дипломатических постах в Берлине, Мюнхене, Лондоне и Париже, в феврале 1849 г. получил портфель министра иностранных дел. Совмещая руководство внешней политикой с занятием других министерских постов, Бойст г. де-факто играл роль премьер-министра Саксонии. После поражения в австро-прусской войне 1866 г., в которой Саксония выступила на стороне Австрии, Бойст ушел в отставку. 30 октября 1866 г. он получил приглашение занять пост министра иностранных дел Австрийской империи, вскоре став ее канцлером. Пять лет на этом посту были вершиной его политической карьеры. Однако поражение Франции во франко-германской войне 1870–1871 гг. и создание Германской империи привели к коренным изменениям в соотношении сил внутри и вне монархии Габсбургов. 8 ноября 1871 г. Бойст получил отставку. С 1871 г. бывший рейхсканцлер представлял Австро-Венгрию в Лондоне, с 1878 г. – в Париже, пока, наконец, в 1882 г. окончательно не удалился на покой, занявшись написанием мемуаров. Бойст умер 23 октября 1886 г.

Не только в политике, но и в личной жизни Бойст представлял собой некую противоположность Бисмарку. Если последний зачастую чурался общества и удалялся в долгие затворничества в свое имение, то саксонский политик был человеком светским. Обладая располагающей внешностью – светловолосый, с высоким лбом и внимательными голубыми глазами – Бойст был к тому же наделен даром красноречия, иногда доходившим до самолюбования. Яркой чертой, разделявшей двух политиков, было отношение к насилию, что стало очевидно при первой же их случайной встрече в 1848 г. Бойст назвал ошибкой расстрел австрийскими властями депутата Франкфуртского собрания Р. Блума, Бисмарк же заявил, что “если враг в моей власти, я должен его уничтожить”.

Х. Румплер, один из исследователей политики Бойста, отмечал, что редко какой политический деятель был столь единодушно “приговорен” историками и современниками: как человек – остроумный, но тщеславный; как политик – одаренный, честолюбивый, но обреченный на поражение противник духа времени; “человек малых средств”, к тому же интриган⁷. Вот характеристика Бойста, данная кузеном Наполеона III принцем Жеромом: “Весьма умен, живой дух, довольно остроумный, но человек легкомысленный, очень легкомысленный, изворотливый, мало понимающий, чего хочет, неуверенный, и всегда нацеленный на Германию”⁸.

Однозначность образа Бойста, ставшая одним из предметов исследования в рамках проблемы пристрастности в исторической науке⁹, частично объясняется осознанной и систематической дискредитацией Бойста со стороны Бисмарка¹⁰. Еще важнее был тот факт, что дело, за которое выступал Бойст, оказалось проигранным. Победили Бисмарк

⁶ Шнейерсон Л.М. Франко-прусская война и Россия. Из истории русско-прусских и русско-французских отношений в 1867–1871 гг. Минск, 1976; Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг. М., 1986; Барахова И. Переориентация внешнеполитического курса монархии Габсбургов (1866–1871). – Австро-Венгрия: опыт многонационального государства. М., 1995; Медяков А.С. Между Востоком и Западом. Внешняя политика монархии Габсбургов в первые годы дуализма 1866–1871 гг. М., 2010.

⁷ Rumpler H. Die deutsche Politik, S. 15–16.

⁸ Цит. по: Battesti M. Plon-Plon. Le Bonaparte rouge. Paris, 2010, p. 418.

⁹ Rumpler H. Beust im Schatten Bismarcks. Grenzen und Bedingungen einer Persönlichkeitsbeurteilung. – Objektivität und Parteilichkeit in der Geschichtswissenschaft. München, 1977.

¹⁰ Ibid. S. 215–222; Flöter J. Beust und die Reform, S. 31.

и его модель объединения Германии. Историки объявили такой вариант объединения Германии единственно возможным и исторически оправданным. В последние годы исследователи все чаще рассуждают об альтернативах решения германского вопроса, что заставляет их смотреть на Бойста как на главного представителя одной из таких альтернатив.

“ТРЕТЬЯ ГЕРМАНИЯ” КАК ОСНОВА ГЕРМАНСКОЙ ПОЛИТИКИ БОЙСТА

Пути объединения Германии не исчерпывались великогерманским и малогерманским вариантами – доминированием либо Пруссии, либо Австрии в объединенном государстве. Альтернатива Бойста заключалась в усилении “Третьей Германии” – средних и малых германских государств, которые, выполняя роль связующего звена и одновременно противовеса Австрии и Пруссии, способствовали бы созданию германского единства на федеративной основе.

Территориальная реформа 1803 г. и перекройка германской карты Наполеоном привели к значительному усилению средних государств, составлявших ядро потенциальной “Третьей Германии”, а крах в 1806 г. Священной Римской империи германской нации дал им полноту государственного суверенитета.

Решения Венского конгресса 1815 г. окончательно сформировали условия развития “Третьей Германии”. Большинство малых и средних германских государств сохранили полученные от Наполеона приобретения. Более того, эти государства приобрели новый инструмент защиты своих прав в лице Германского союза, который был важным элементом Венской системы международных отношений¹¹.

Новой точкой отсчета идеи “Третьей Германии” стала революция 1848–1849 гг., а в роли одного из ее главных поборников выступил Бойст. На первых порах он не имел возможности предложить конструктивную программу в германском вопросе, поскольку, фактически возглавив саксонское правительство в разгар революции, своей первостепенной задачей видел борьбу с ней. Бойст отклонил проект конституции, разработанный Франкфуртским национальным собранием, и тем самым стал косвенным виновником майского восстания 1849 г. в Дрездене, для подавления которого он пригласил прусские войска. Попав таким образом в некоторую зависимость от Пруссии, руководимая Бойстом Саксония в мае 1849 г. пошла на заключение пропрусского “Союза трех королей” (Пруссия, Саксония и Ганновер). Однако в действительности этот вариант решения германского вопроса не соответствовал взглядам Бойста. По мере ослабления революционной опасности и роста гегемонистских претензий Пруссии Саксония стала отходить от ориентации на Берлин и в феврале 1850 г. вступила в “Союз четырех королей” (Бавария, Вюртемберг, Саксония и Ганновер), созданный под покровительством Австрии и преследовавший великогерманскую программу объединения.

Несмотря на кажущиеся колебания между мало- и великогерманскими программами, Бойст не был сторонником ни одной из них. Центральное место в его политической концепции занимал Германский союз, отношение к которому со стороны Австрии и Пруссии им скорее порицалось. Он полемизировал с критиками Германского союза, указывая на его не только германскую, но и европейскую роль: “Действительно ли Германский союз был чем-то столь невыносимым? Пятьдесят лет он обеспечивал Германии внутренний мир и оберегал Европу от войн, и то, что Германия не ввязалась в первую крупную европейскую войну, в Крымскую, является целиком заслугой Германского союза, и Итальянскую войну, подготовившую войну 1866 г., можно было бы избежать, если бы в Вене умели бы больше ценить Союз, а в Берлине – его уважать”¹².

¹¹ О функциях Германского союза в Венской системе см. *Burg P. Der Wiener Kongreß. Der Deutsche Bund im europäischen Staatensystem. München, 1993.*

¹² *Beust F. Op. cit., Bd.2, S. 31.*

“Мой лучший лейтенант”, – так назвал Бойста министр иностранных дел Австрии Ф. Шварценберг¹³. Большую часть своей политической карьеры Бойст выступал на стороне Австрии. Но не потому, что являлся безусловным сторонником великогерманской идеи. Исходя из концепции “Третьей Германии” и взаимного уравнивания Австрии, Пруссии и “Третьей Германии”, саксонский министр априори становился политическим союзником Вены.

Выступая за Германский союз, фактически исчезнувший под ударами революции 1848–1849 гг., Бойст не хотел его восстановления в дореволюционном виде. Он стремился сохранить его правовую основу¹⁴, позволявшую наполнить Германский союз новым содержанием, в частности, отстаивать с его помощью интересы “Третьей Германии”. Между тем перспективы воссоздания Германского союза были туманными из-за австро-прусского соперничества. Лишь Ольмюцское соглашение 29 ноября 1850 г. помогло Пруссии и Австрии достигнуть компромисса и тем самым открыть дорогу к переговорам о будущем Германии и Германского союза¹⁵.

“НЕГЛАСНЫЙ ПРЕМЬЕР” “ТРЕТЬЕЙ ГЕРМАНИИ”. 1850–1866 гг.

Германский союз был воссоздан на Дрезденских конференциях, проходивших с декабря 1850 по май 1851 гг. Проведение конференций в столице Саксонии давало Бойсту шанс заявить о своей программе, суть которой сводилась к значительному усилению эффективности Германского союза с замещением конфедеративных элементов его структуры федеративными. Саксонский министр предложил создать союзные исполнительные органы, союзный суд, а также союзное народное представительство из делегатов местных парламентов (ландтагов). Предложения Бойста не прошли: Пруссии сильный Германский союз был не нужен, поскольку она взяла курс на установление гегемонии в Германии¹⁶, а Австрия вновь недооценила политической важности для нее Германского союза, сочтя достижение соглашения с Пруссией, подписанного 16 мая 1851 г., более надежной гарантией своих германских интересов, чем сотрудничество с “Третьей Германией”¹⁷. В итоге был восстановлен Германский союз в его дореволюционной форме. Хотя Бойст и потерпел поражение, на конференции он заявил о себе как о лидере “Третьей Германии”¹⁸, и именно от него в дальнейшем исходила львиная доля инициатив по ее укреплению.

Наряду с институциональной реформой Германского союза, в планах Бойста по решению германского вопроса постоянно присутствовали еще две цели – укрепление кооперации и создание постоянных коммуникационных структур между странами “Третьей Германии”, а также утверждение Германского союза в качестве самостоятельного фактора европейских международных отношений.

Удобным поводом для достижения этих целей стала Крымская война 1853–1856 гг., которая сыграла важную роль в развитии германского вопроса. Австрия фактически выступила против России на стороне Англии и Франции, надеясь на поддержку Пруссии и Германского союза. Для средних и малых государств Германского союза Крымская война создала непростую ситуацию. К этому времени Россия фактически оставалась единственным внешним гарантом Германского союза, и ее поражение означало бы потерю одной из опор самостоятельности государств “Третьей Германии”. Поэтому вопреки настояниям Австрии и общественному мнению, в большинстве своем настроенному антирусски, малые и средние государства Германии стремились избежать навязывавшегося им Веной враждебного России курса. С другой стороны, сосредото-

¹³ Ibid., S. 6.

¹⁴ Rumpler H. Die deutsche Politik, S. 329.

¹⁵ Schoeps H.J. Von Olmütz nach Dresden 1850/51. Köln – Berlin, 1972.

¹⁶ Rumpler H. Die deutsche Politik, S. 198–276.

¹⁷ Flöter J. Beust und die Reform, S. 89.

¹⁸ Rumpler H. Eine Chance für Mitteleuropa. Bürgerliche Emanzipation und Staatsverfall in der Habsburgermonarchie. Wien, 1997, S. 388; *idem*. Die deutsche Politik, S. 318–339.

ченность Берлина и Вены на Восточном вопросе предоставляла “Третьей Германии” большую свободу действий в попытках реформировать Германский союз¹⁹.

В мае 1854 г. представители Баварии, Вюртемберга, Саксонии, Ганновера, Кургессена, Гессен-Дармштадта, Бадена и Нассау собрались на конференцию в г. Бамберге для выработки общей позиции. Бойсту удалось добиться сплочения “Третьей Германии” по вопросу реформы Германского союза; единодушным было также стремление избежать вовлечения германских государств в войну с Россией. Однако из-за упорного стремления Австрии задействовать Германский союз в своих целях средние и малые государства не смогли сохранить баланс между Австрией и Пруссией. Перед лицом последовавшего в январе 1855 г. требования Австрии в обход Германского союза мобилизовать часть военных контингентов, большинство германских государств пошли за Пруссией и сохранили нейтралитет. Вместе с тем, после встречи в Бамберге периодически созывавшиеся конференции министров малых и средних государств утвердились в качестве главной формы кооперации и консолидации “Третьей Германии”.

Другой стороной деятельности Бойста во время Крымской войны было стремление повысить значение Германского союза на международной арене, выйти за пределы пассивной роли²⁰, которую он играл в европейской системе. На протяжении всей своей карьеры Бойст проявлял большую внешнеполитическую активность, масштабы которой в соотношении с незначительным политическим весом Саксонии иногда производили комичное впечатление и объяснялись непомерным тщеславием саксонского министра. “Он был честолюбив и, будучи министром малого государства, до смешного много занимался большой политикой”, – писал в начале XX в. австрийский историк Р. Хармац²¹. Однако, не отрицая признававшегося современниками почти навязчивого стремления Бойста постоянно о себе заявлять, нельзя не видеть и главный мотив его активности – увеличить значение Германского союза на европейской арене.

Осенью 1855 г. Бойст предпринял попытку самостоятельного мирного посредничества между Францией и Россией. Он отправился в Париж через Франкфурт, где имел разговор на эту тему с многолетним послом России в Великобритании Ф.И. Брунновым, представлявшем Санкт-Петербург при Германском союзе²².

В Париже Бойст предложил посредничество Наполеону III, однако встретил мало понимания, в частности потому, что одновременно с Бойстом во французской столице находился другой видный представитель идеи “Третьей Германии” – баварский премьер Л. фон Пфордтен. Последний дал понять французскому императору, что Бавария готова к сближению с Австрией²³.

Отправляясь в Париж, Бойст преследовал цель заявить о Германском союзе как о самостоятельной политической силе и, в частности, добиться его участия в будущей мирной конференции²⁴. Помимо недостаточной координации и даже ревности в среде германских государств, эта цель не была достигнута из-за решительного сопротивления Австрии, не без оснований опасавшейся, что Германский союз выступит в поддержку России. Со своей стороны, Бисмарк, тогда представитель Пруссии в союзном Сейме, считая союз опорой Австрии и препятствием достижения гегемонии Пруссии в Германии, обрушил свою ненависть на главного сторонника укрепления Германского союза – “тщеславного интригана” Бойста. В начале восточного кризиса Бисмарк писал: “От вола нельзя требовать ничего кроме говядины, а от Бойста – ничего кроме тщеславной интриганской мелкой саксонской политики, пока королев-

¹⁹ Flöter J. Beust und die Reform, S. 139.

²⁰ Burg P. Der Wiener Kongreß, S. 56–58.

²¹ Charnatz R. Geschichte der auswärtigen Politik Österreichs im 19. Jahrhundert, Bd. 2. Leipzig – Berlin, 1918, S. 77.

²² Beust F. Op. cit., Bd.1, S. 201–202.

²³ Flöter J. Beust und die Reform, S. 170.

²⁴ Beust F. Op. cit., Bd.1, S. 203.

ство Саксония образует раму для требующего восхваления образа Фридриха Фердинанда ф. Бойста. Если мы можем его свергнуть, то мы должны это сделать чем скорее, тем лучше”²⁵.

Несмотря на то, что Бойст требовал выгодного России нейтралитета Германского союза и даже заслужил от австрийцев наименование “друг русских”²⁶, Россия была раздражена инициативой Бойста. Дело в том, что вмешательство Бойста помешало доверительным переговорам с Францией, которые вел А.М. Горчаков, тогда русский посол в Вене. После визита Бойста в Париж Наполеон III использовал в качестве посредника его подчиненного – саксонского посланника в Париже А. Зеебаха, поручив ему обратиться к русскому канцлеру Нессельроде, на дочери которого саксонский дипломат был женат. Горчаков был, таким образом, отставлен от переговоров, что наложило отпечаток на его последующее отношение к Бойсту. К тому же о секретных переговорах скоро стало известно в Вене: в выдаче тайны в Петербурге винули саксонского министра²⁷. В итоге, дебют Германского союза на международной арене провалился.

Очередная фаза борьбы за реформу Германского союза начала отсчет с 1859 г. в связи с оживлением либерального движения в германских государствах. В Пруссии в связи с приходом к власти в 1858 г. принца-регента Вильгельма началась так называемая “новая эра”, в монархии Габсбургов после поражения в австро-итало-французской войне 1859 г. наступила эпоха конституционных экспериментов. Либеральное национальное оживление затронуло и другие германские государства, в частности Саксонию. В этих условиях “Третья Германия” предприняла еще одну попытку совместного выступления.

В ноябре 1859 г. Саксония, Бавария, Вюртемберг, Кургессен, Гессен-Дармштадт, Мекленбург-Шверин и некоторые другие государства провели Вюрцбургскую конференцию с целью выработки совместной программы реформ Германского союза. Предлагалось создание союзного суда, отдельного командования для воинских контингентов средних держав, учреждение общей союзной газеты. Несмотря на внутренние трения, особенно опасения Баварии потерять свое лидерство среди средних государств, программа реформ в декабре 1859 г. была подана в союзный Сейм, где она вновь потерпела крах из-за сопротивления Пруссии. Прусский принц-регент упрекал “вюрцбургцев”, как стали называть активистов “Третьей Германии”, в сепаратистской политике в духе наполеоновского Рейнского союза и в систематическом противодействии Пруссии²⁸.

Самым последовательным и убежденным “вюрцбургцем” был Бойст. Он уловил новый либеральный и национальный поворот в политике многих германских государств и попытался учесть его в своих проектах. Саксонский министр не был либералом. Более того, из-за своей политики в годы революции он считался в либеральных кругах едва ли не “душой реакции”: он ограничил свободу прессы и право собраний, усилил полицейский контроль, за антиправительственную критику уволил из Лейпцигского университета историка Т. Моммзена. В дальнейшем во внутренней политике Бойст проводил умеренно-консервативный курс. Вместе с тем, отдавая себе отчет в необходимости учитывать все более настойчивые требования национальных и либеральных кругов, Бойст стремился добиться компромисса между этими требованиями, политическими интересами правительств германских государств и потребностями европейского равновесия.

Все это нашло отражение в обширном проекте реформы Германского союза от 15 октября 1861 г. – самом полном и законченном изложении германской концепции Бойста. Одним из центральных моментов проекта было создание, при сохранении

²⁵ *Bismarck O.* Die gesammelten Werke (далее – GW), Bd. 14/1. Berlin, 1930, S. 332.

²⁶ *Flöter J.* Beust und die Reform, S. 133.

²⁷ *Тарле Е.В.* Крымская война. – *Тарле Е.В.* Собр. соч. в XII т., т. IX, М., 1959, с. 499–500.

²⁸ *Flöter J.* Beust und die Reform, S. 277.

союзного Сейма (бундестага), народного представительства из депутатов ландтагов. Сейм продолжал играть главную роль, однако участие народного представительства было обязательным при решении конституционных вопросов; Сейм мог также обращаться к народному собранию по другим важным политическим проблемам. Другое принципиальное изменение касалось Узкого совета²⁹. Менялся характер представленных там участников: вместо уполномоченных в Узком совете должны были заседать министры германских государств. Узкий совет, таким образом, фактически превращался в общегерманскую конференцию министров, благодаря чему возрастал авторитет Союза и эффективность его решений, укреплялся федеративный принцип и одновременно самостоятельность и значимость входивших в него государств³⁰. Бойст считал эту реформу Германского союза отвечающей и главной потребности германского общества – национальному объединению. “Является ли Союз, существованию которого Германия обязана прекраснейшим расцветом своей культурной жизни, своего народного хозяйства, своего материального благополучия, совершенно неспособным удовлетворить потребности национальной связи, развития национальной силы? Конечно, нет. Только не нужно хотеть достичь одним ударом того, что должно быть делом кропотливой и упорной работы”, – писал Бойст³¹.

Этот проект Бойста не получил существенной поддержки. С одной стороны, Бавария, даже несмотря на то, что Бойст в своем проекте предусматривал укрепление ее позиций в исполнительной власти Союза, опасалась за свое лидерство в “Третьей Германии”. С другой стороны, Пруссия была совершенно не заинтересована в укреплении Германского союза, тем более что осенью 1862 г. к власти в ней пришел Бисмарк, который как раз собирался разрешить германский вопрос одним ударом – разрушив Германский союз и изгнав Австрию.

С приходом к власти в Берлине Бисмарка шансы на реформу Германского союза значительно уменьшились, а разного рода напряжения в германской политике резко возросли. Бойст и Бисмарк шли прямо противоположными курсами: первый стремился сплотить и укрепить Германский союз, второй поставил себе целью “освобождение от паутины союзных договоров”³².

Между тем, все более усиливавшиеся гегемонистские претензии Пруссии заставили Австрию иначе относиться к “Третьей Германии” и проектам союзных реформ. Зримым проявлением сотрудничества Австрии и “Третьей Германии” стала активная поддержка средними государствами большого австрийского проекта реформы Германского союза, предложенного в августе 1863 г. Однако и этот проект был заблокирован Пруссией³³.

Тем временем споры между Данией и Германским союзом о статусе северогерманских герцогств Шлезвига и Гольштейна в 1864 г. привели к совместной войне Австрии и Пруссии против Датского королевства³⁴.

Вена, нуждавшаяся во внешней поддержке и не рискнувшая отдать лидерство в объединении Германии в руки Берлина, пошла на совместную с Пруссией войну против Дании, не понимая, что совместные действия с Пруссией противопоставили ее Германскому союзу, выступавшему за создание нового члена Союза в лице Шлезвига-Гольштейна и не поддерживавшему задуманную Бисмарком аннексию северогерманских герцогств.

Таким образом, Бойст как выразитель интересов “Третьей Германии”, оказался в оппозиции как Вене, так и Берлину. Он счел момент удобным, чтобы вновь заявить

²⁹ Сейм состоял из представителей всех германских государств и заседал либо в форме Пленума (69 голосов), либо в форме Узкого совета (17 голосов), который фактически являлся главным органом Союза.

³⁰ *Beust F.* Op. cit., Bd.1., S. 279–302; *Flöter J.* Beust und die Reform, S. 332–338.

³¹ *Beust F.* Op. cit., Bd.1, S. 292.

³² *Gall L.* Op. cit., S. 271.

³³ *Lutz H.* Zwischen Habsburg und Preußen, S. 445–446.

³⁴ *Ibid.*, S. 447–450.

о средних германских государствах как о самостоятельном политическом факторе, полагая, что “эта группа германских государств, которые в своем соединении имеют довольно существенное, даже большое значение, может послужить тому, чтобы осуществить чисто германскую политику наряду с германскими великими державами или даже против них”³⁵.

Такой шанс предоставила созданная весной–летом 1864 г. конференция в Лондоне с участием Германского союза. Единственный раз Германский союз выступил на международном форуме в качестве самостоятельного активного участника международных отношений и представлял его именно Бойст.

С международно-правовой точки зрения произошло как раз то, к чему так долго стремился Бойст – приглашение, направленное Англией Германскому союзу, формально означало его признание в качестве самостоятельной европейской державы, субъекта международных отношений. Однако практических политических выгод саксонскому министру извлечь не удалось. На заседаниях конференции Бойст последовательно выступал против предлагавшегося раздела Шлезвига и Гольштейна или их аннексии, настаивая на том, что решение шлезвиг-гольштейнского вопроса должно быть представлено Германскому союзу.

Тем не менее, конференция закончилась безрезультатно, что развязало руки Австрии и Пруссии для продолжения войны. По Венскому миру 30 октября 1864 г. Дания уступила Шлезвиг и Гольштейн Австрии и Пруссии. Очень скоро спорные герцогства превратились в яблоко раздора между двумя великими германскими державами, поставив их на грань войны. В мае 1866 г. состоялась последняя попытка “Третьей Германии” согласовать единую позицию. Перед лицом надвигающейся австро-прусской войны в Бамберге была созвана очередная конференция средних государств. Одновременно Австрия окончательно отказалась от прежней трактовки шлезвиг-гольштейнского вопроса как проблемы двусторонних отношений с Пруссией и перешла на позиции “Третьей Германии”, заявив, что предоставляет решение этого вопроса Германскому союзу. В ответ прусские войска вступили в Гольштейн, что являлось нарушением союзного права. В свою очередь, Австрия потребовала мобилизации войск Германского союза против Пруссии.

Австро-прусская война, в которой на стороне Австрии выступили почти все члены Германского союза, означала крах германской политики Бойста. Саксонский министр мечтал о равновесии сил между Австрией, Пруссией и “Третьей Германией”, главными средствами которого должны были стать тесная кооперация средних германских государств, развитие институтов Германского союза в федеративном направлении. Бойст полагал, что этот вариант решения германского вопроса, с одной стороны, будет соответствовать прежним европейским функциям Германского союза и, соответственно, найдет поддержку великих держав, а с другой – отвечать стремлению немцев к национальному единству, особенно по мере укрепления федеративных компонентов германской государственности. В целом, концепция Бойста была построена на компромиссах: между потребностями европейской системы международных отношений и национальными целями немцев, между устремлениями великих германских держав и интересами средних и малых государств, между историческим партикуляризмом и унитаризмом национально-либеральных сил. Кроме того, умеренно-консервативная политика саксонского министра пыталась предложить обществу позитивную альтернативу революционным идеям 1848 г.³⁶

Возможна ли была эта альтернатива? Вопрос об альтернативности истории всегда дискусионен и открыт. Усилия Бойста постоянно сталкивались с сопротивлением Пруссии, непониманием Австрии, лишь в 1866 г. осознавшей преимущества предложений Бойста для своей политики. Большой проблемой были трения внутри “Третьей Германии”, особенно противоречия с Баварией как с самой значительной ее силой,

³⁵ *Beust F. Op. cit., Bd.1, S. 341–342.*

³⁶ *Rumpler H. Die deutsche Politik. S. 170.*

к тому же осложненные соперничеством Бойста с другим лидером “Третьей Германии” баварцем Пффордтеном: их проекты иногда напрямую сталкивались.

Концепция Бойста предполагала длительное и мирное развитие Германии, события же развивались противоположным образом. Победа Пруссии и Пражский мир 23 августа 1866 г., зафиксировавший изгнание Австрии из Германии, фактически решили проблему объединения Германии – этот исторический процесс завершился под эгидой Берлина.

“ГОДЫ ПОЛНОГО БЛЕСКА”. 1866–1869 гг.

Поражение Австрии и ее союзников в войне с Пруссией означало решительный перелом не только в судьбах Германии, но и в личной судьбе Бойста. Была уничтожена основа его прежних планов реорганизации Германии, а Бойст по личному настоянию Бисмарка был удален с саксонской службы. Казалось, на его политической карьере можно было поставить крест, однако вскоре произошел поворот: 30 октября 1866 г. Бойст был приглашен занять пост министра иностранных дел Австрийской империи. На австрийской службе Бойст пробыл пять лет, которые он считал вершиной политической карьеры³⁷. Первые годы в Вене он назвал “годами полного блеска”.

В действительности переход Бойста на австрийскую службу не был совершенно неожиданным. Такое назначение рекомендовал еще в 1852 г. Нессельроде, аналогичные планы существовали и позднее³⁸. Реакция на приглашение Бойста на службу в Вену в Пруссии была неприязненной. “Само по себе приглашение этого озлобленного саксонского министра в руководители венской политики приводило к заключению, что она вступит на путь реванша”, – писал Бисмарк³⁹. В Париже и Лондоне нового австрийского министра встретили весьма сдержанно⁴⁰. В России назначение Бойста также не вызвало особого восторга: главным образом, из-за его враждебной России позиции во время польского восстания 1863 г.⁴¹ Прежняя активность Бойста на международной арене, не соразмерная с международным весом Саксонии, создала ему сомнительную славу тщеславного и, по мнению Горчакова, “слишком беспокойного” политика.

Внутри Австрии и Венгрии восприятие Бойста также не было однозначным. Федеративно-консервативная “партия” видела в нем “чужака, немца и протестанта”⁴². В среде аристократии приглашение на столь высокий пост “саксонского барона” также вызвало отчуждение. Но, с другой стороны, Бойст мог рассчитывать на реваншистски настроенную часть аристократии; ему оказал поддержку Альбрехт – самый влиятельный из эрцгерцогов⁴³. Славянские народы империи также отреагировали на назначение Бойста скорее негативно. Потенциальной опорой Бойста могла стать лишь австрийская Конституционная партия, ожидавшая от него проведения либерального курса. Венгры первоначально также предсказывали новому министру незавидную будущность⁴⁴. Однако выдающаяся роль, сыгранная Бойстом в заключении австро-венгерского соглашения 1867 г., отчасти изменила это отношение.

³⁷ *Beust F.* Op. cit., Bd.1, S. 3.

³⁸ *Ibid.*, S. 4.

³⁹ *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания, т. II. М., 1940, с. 51–52.

⁴⁰ *Beust F.* Op. cit., Bd. 2, S. 7.

⁴¹ А.М. Горчаков – Э.Г. Стакельбергу, 7 ноября 1866 г. – Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), ф. 133, оп. 469, д. 220, л. 590; *Revertera F.* Erinnerungen eines Diplomaten in St. Petersburg 1864 bis 1868. – *Deutsche Revue*, 1904, № 2, S. 136.

⁴² *Przibram L.* Erinnerungen eines alten Österreichers. Stuttgart – Leipzig, 1910, S. 171; *Beust F.* Op. cit., Bd. 2, S. 26.

⁴³ *Heiszler V.* Az osztrák katonai vezetés és az osztrák-magyar Monarchia külpolitikája 1867–1882 között. Budapest, 1984; *Halász I.* Bismarck és Andrassy. Budapest, 1913.

⁴⁴ *Diószegi I.* Österreich-Ungarn und der französisch-preußische Krieg 1870–1871. Budapest, 1974, S. 44.

Критическая оценка деятельности Бойста на новом посту содержится в австро-венгерской и германской историографии. Образ Бойста в определенной степени вновь стал жертвой личного соперничества – на этот раз с венгерским премьер-министром и его будущим преемником на посту министра иностранных дел Австрии Д. Андраши. Уже современники предполагали, что “Бойст вероятно станет фоном, на котором блестящим образом будет выделять себя Андраши”⁴⁵. Типичным примером такого подхода стала работа венгерского публициста М. Коньи, в которой нашли выражение основные черты образа Бойста на многие годы вперед: Бойст был приглашен в Австрию с целью реванша, для чего он пошел на тесное сближение с Францией и хотел выступить в ее поддержку во время франко-германской войны. Однако Андраши, будучи изначальным приверженцем Пруссии, смог удержать Австро-Венгерскую империю от вмешательства в войну, а затем положил начало сближению с Германией⁴⁶.

Ряд историков подвергает Бойста критике как творца дуализма. На их взгляд, система двуединой монархии фактически блокировала любые попытки последующих реформ в национальном вопросе, что привело впоследствии к краху империи Габсбургов. Дуализм, таким образом, предстает в качестве трагической ошибки австрийской истории, обязанной своим появлением легкомыслию Бойста, который так спешил продолжить свою дуэль с Бисмарком, что, едва ознакомившись с условиями дуализма, тут же посоветовал австрийскому кайзеру принять его⁴⁷.

Переехав в Вену, Бойст действительно оказался в иной культурной и политической среде, столкнулся с вызовами и задачами, к которым прежняя карьера его не подготовила⁴⁸. Не случайно нередко были упреки “в отсутствии ясной политической линии” Бойста, характеристика его как “человека малых средств”. Критики писали о принадлежности Бойста к “дипломатии средних государств” с ее принципиально ограниченными возможностями.

На первом месте в политике Бойста стоял германский вопрос. Его новый облик вытекал из статьи IV Пражского мира, изгонявшей Австрию из Германии, ограничивавшей германское единство государствами севернее линии реки Майн и допускавшей объединение между собой государств южнее этой линии⁴⁹. Хотя по Пражскому миру Австрия лишилась места в Германии, неясность судеб Южной Германии, а также немецких австрийских провинций, не позволяла считать германский вопрос решенным окончательно.

Император Франц Иосиф поставил перед Бойстом две ближайшие задачи: во-первых, укрепление великодержавного положения империи с помощью недопущения объединения Южной Германии с Северной; во-вторых, достижение в империи внутреннего мира⁵⁰. Для выполнения первой задачи Бойст, с его авторитетом в германских делах и связями с южногерманскими государствами, был одной из лучших кандидатур. Вторая задача была более сложной. С конца 50-х годов XIX в. в монархии Габсбургов началась эпоха конституционных экспериментов, в ходе которой централистская, федералистская и дуалистическая модели ее устройства конкурировали между собой. В итоге предпочтение было отдано дуализму. Переговоры Австрии и Венгрии начались в 1865 г., однако достижение соглашения превратилось в непосредственную политическую задачу только после поражения Австрии в войне с Пруссией. Решающую роль в разрешении этой задачи сыграл Бойст.

⁴⁵ Briefe zur deutschen Politik in Österreich von 1848 bis 1918. Wien – Leipzig, 1934, S. 68.

⁴⁶ Kónyi E. Beust und Andrassy. – Deutsche Revue, 1890, № 4–5.

⁴⁷ Mayr-Harting A. Der Untergang. Österreich-Ungarn 1848–1922. Wien – München, 1988, S. 276.

⁴⁸ Бойст признавал, что был незнаком с внутренними обстоятельствами Австрии. – Beust an Kaiser Franz Joseph. Wien, 25.01.1867. – Haus-, Hof- und Staatsarchiv Wien (далее – HHStA), Kabinettsarchiv Geheimakten, K. 17a.

⁴⁹ Huber E.R. Dokumente zur deutschen Verfassungsgeschichte. Stuttgart, 1961–1966, Bd. 2, S. 217.

⁵⁰ Srbik H. Aus Österreichs Vergangenheit. Salzburg, 1949, S. 61.

Новый министр иностранных дел не только убедил колебавшегося Франца Иосифа предпочесть дуализм федералистской концепции, но и сам принял непосредственное участие в переговорах с венграми и в разработке новой политической структуры, которая сохранилась вплоть до краха Австро-Венгрии. Складывание системы дуализма началось с назначения 17 февраля 1867 г. ответственного венгерского министерства во главе с Андраши и продолжалось в течение 1867 г. Во время переходного периода Бойст обладал беспрецедентным объемом полномочий, совмещая с постами министра иностранных дел и министра двора должности премьер-министра, министра внутренних дел и полиции, министра образования. Иностранные дипломаты жаловались, что из-за обилия полномочий Бойста “трудно поймать момент, когда этот политический хамелеон является в облике министра иностранных дел”⁵¹. В начале 1868 г. Бойст передал свои полномочия вновь созданному либеральному “буржуазному правительству” К. Ауэршперга, сохранив за собой лишь традиционно связанные между собой посты министров иностранных дел и императорского двора. 23 июня 1868 г. Бойст стал последним в истории монархии Габсбургов рейхсканцлером – в дальнейшем венгры смогли торпедировать эту “общеимперскую” должность.

В конце 1866 – начале 1867 гг. в докладах на имя императора Бойст обосновал взаимосвязь между предлагавшимся им дуализмом и внешнеполитическими задачами монархии Габсбургов. “Нужно безусловно найти твердую почву, с которой затем можно оперировать дальше. Таковой... представляется схождение немецких и венгерских элементов против панславизма. Кажется решительно невозможным, чтобы правительство искало свои главные опоры среди славянского населения и одновременно находилось... среди враждебного немецкого”⁵². Иными словами, программно заявлялся антиславянский и антироссийский характер внешней политики.

Однако не вполне правы авторы, которые делают выводы о приоритете во внешней политике Бойста Восточного вопроса⁵³. Разумеется, перманентный кризис на Балканах привлекал к себе пристальное внимание Вены, однако для Бойста антиславянский элемент его программы имел в первую очередь значение “почвы, с которой можно оперировать дальше”. “Дальше” – это, конечно, была Германия.

Ни Франц Иосиф, ни Бойст не считали решения Пражского мира окончательными⁵⁴. Двойственный характер зафиксированной в Праге германской ситуации наложил отпечаток на цели и средства политики Вены. С одной стороны, Пражский мир ограничивал сферу преобладания Пруссии линией реки Майн, с другой – препятствовал возвращению монархии Габсбургов в Германию. Соответственно этому, двойственный характер носила и германская политика Вены, включавшая в себя в качестве минимум и максимум сохранение первого и ревизию второго из этих важнейших условий Пражского мира. Ключом германской политики Бойст считал Южную Германию.

Несмотря на осязаемое возрастание активности Австрии в Южной Германии в конце 1866 – начале 1867 гг., существовали очевидные слабости австрийской политики на этом этапе. Бойст не мог предложить германским соседям Австрии ничего позитивного до тех пор, пока не закончилась внутренняя реорганизация Австрии. К тому же международная обстановка к весне 1867 г. как будто позволяла надеяться и на другой вариант ревизии Пражского мира – содействие Пруссии.

Весной 1867 г. франко-пруссские противоречия по вопросу требуемых Наполеоном III компенсаций за нейтралитет Франции во время австро-прусской войны вылились в Люксембургский кризис⁵⁵. Париж и Берлин вооружались и искали партнеров. В первую очередь их взоры обратились к Австрии.

⁵¹ Э.Г. Стакельберг – А.М. Горчакову. 8 (20) февраля 1868 г. – АВПРИ, ф. 133, оп. 469, д. 149, л. 382.

⁵² Beust an Kaiser Franz Joseph 26. Januar 1867. – HHStA, Kabinettsarchiv Geheimakten, K. 17a.

⁵³ *Schoenhals K.P.* Op.cit.; *Neck R.* Die Aussenpolitik der Donaumonarchie von 1866 bis 1878/80. – *Der österreichisch-ungarische Ausgleich 1867.* Bratislava, 1967, S. 79–82.

⁵⁴ *Beust F.* Op. cit., Bd. I, S. 420.

⁵⁵ *Шнейерсон Л.М.* В преддверии франко-прусской войны. Франко-германский конфликт из-за Люксембурга. Минск, 1969.

В апреле 1867 г. Бисмарк косвенным путем попытался выяснить позицию Австрии на случай разрыва между Пруссией и Францией, а также условия, на которых венский кабинет пошел бы на союз с Германией⁵⁶. Бойст стремился использовать кризисную ситуацию как в целях развития своей германской политики, так и для укрепления европейских позиций империи. Он выступил с предложениями посредничества в Люксембургском кризисе.

Бойст понимал ограничения, которые накладывал на его действия “германский” характер кризиса, и их связь с внутренними обстоятельствами монархии: “От министра, который внутри борется с антинемецкими тенденциями славян, не стоит опасаться антинемецкой политики вовне”, заявлял он⁵⁷. Поэтому австрийский министр, с одной стороны, удерживал южногерманские государства от поддержки воинственного тона Пруссии, а с другой – стремился доказать свою лояльность к Берлину, представляя поведение Австрии в столь грозный момент как лучшее доказательство отсутствия у нее замыслов мести⁵⁸.

Воспользовавшись кризисной ситуацией, Бойст попытался вновь поставить вопрос о германском будущем Австрии: “То, что мы за нашу помощь должны назначить соответствующую цену, мне не нужно повторять”⁵⁹. Однако предложенная Бисмарком цена не устроила Бойста: германский канцлер предложил лишь сотрудничество трех “восточных держав” в духе будущего Союза трёх императоров, частичную гарантию австрийской территории, но ничего похожего на “возвращение в Германию”.

Бойст же надеялся на то, “чтобы Австрия вновь обрела определенную и прочную позицию в германских делах”⁶⁰ и даже спрашивал прусского посланника, не думают ли в Берлине о восстановлении старого Германского союза?⁶¹ Весной 1867 г. баварский посланник доносил из Вены: “Идеей, которая при определенных обстоятельствах казалась ему (Бойсту. – А.М.) выполнимой для конституирования широкого союза, была идея триады, в которой рядом с Северогерманским союзом могли найти свое место Южная Германия и немецкая Австрия как равноправные члены”⁶². Бойст высказывался о составе предполагаемой “триады” более подробно: “Идея основанных на равноправии договорных отношений между Австрией, Пруссией и группой, образованной из остальных государств бывшего союза, имела тогда притязание практически осуществиться. Между Австрией, Северогерманским и Южногерманским союзами... это было бы возможно в меньшей степени, но все же скорее, чем... между Австрией, Северогерманским союзом и отдельными южногерманскими государствами”⁶³.

Таким образом, в ходе Люксембургского кризиса весны 1867 г. отчетливо проявилась вторая и важнейшая часть германской программы Бойста – возвращение в Германию, составлявшая, наряду с защитой статус кво в Южной Германии, основу его политики вплоть до франко-германской войны. Однако в Берлине никак не отреагировали на осторожно сформулированные, но тем не менее ясные встречные предложения Вены, и первая после Пражского мира попытка Австрии “вернуться в Германию” потерпела неудачу.

Эта неудача объяснялась причинами не только германского, но и более широкого европейского порядка. Главное заключалось в специфической расстановке сил в Европе, особенно в сочетании германского вопроса с восточным.

⁵⁶ *Hohenlohe Ch. Denkwürdigkeiten des Fürsten Chlodwig zu Hohenlohe-Schillingsfürst*, Bd.1. Stuttgart – Leipzig, 1907, S. 222; *Die Auswärtige Politik Preußens*, (далее – APP), Bd.VIII, S. 559.

⁵⁷ Bray an Hohenlohe. Wien, 7. Apr. 1867. – Bayerisches Hauptstaatsarchiv München (далее – BHStA), MA I, 624.

⁵⁸ *Correspondenzen des kaiserlich-königlichen Ministeriums des Äussern* (далее – *Correspondenzen*). Wien, 1868, № 1, S. 30.

⁵⁹ *Ibidem*.

⁶⁰ APP, Bd.VIII, S. 687.

⁶¹ *Correspondenzen*, № 1, S. 29–30.

⁶² Bray an Hohenlohe. Wien, 2. März 1868. – BHStA, MA I. 633.

⁶³ Beust an Trauttmansdorf. Wien, 6. März 1868. – BHStA, MA I. 633.

Через 10 лет относительного затишья после Крымской войны ситуация на Балканах стала накаляться. В 1866 г. началось восстание на Крите, воспринимавшееся в европейских столицах как возможный провозвестник всеобщего выступления на Балканах. Остроту ситуации на Балканах придавали попытки антитурецкой кооперации балканских народов – создания Первого Балканского союза⁶⁴. Приближавшееся столкновение между Францией и Пруссией на Западе и перманентный кризис на Востоке определяли внешнюю политику Австрии после 1866 г.

Бойст попытался придать новые импульсы не только германской, но и восточной политике Австрии, объявив о начале ее “новой эры”. Столь смелое выступление на балканской почве во многом стало неожиданностью: Бойст не мог считаться специалистом по восточному вопросу. “Он обладает лишь поверхностными представлениями о восточных делах и не дает себе труда их изучить”, – подчеркивал русский поверенный в делах в Вене К.П. Иксуль⁶⁵.

В ноябре–декабре 1866 г. в беседах с послами иностранных государств Бойст разъяснил суть политики “новой эры”. До сих пор Австрия всегда становилась на точку зрения Турции. Отныне же она не будет ограничиваться лишь “участием в похоронах отмерших вопросов”, как это произошло в Италии и Германии. Утверждая, что “прошло то время, когда Австрия была более турецкой, чем сам султан”, Бойст предложил руководствоваться в восточной политике принципами защиты христианского населения Турции и автономии христианских провинций⁶⁶. При этом речь шла не просто об изменении тактики – Бойст поставил себе целью всеобщее урегулирование восточного вопроса. Он выступил с предложением созыва международной конференции, которая должна была бы в особых комиссиях без участия Турции изучить положение Османской империи и выработать проекты реформ. С помощью “дешевой и безопасной уступки” – пересмотра ограничительных статей Парижского трактата в отношении России, к участию в этой конференции предполагалось привлечь и Петербург⁶⁷.

Бойст стремился предупредить всеобщий взрыв на Балканах, угрожавший безопасности монархии Габсбургов, и обеспечить тыл для проведения германской политики. Однако план Бойста не нашел поддержки не только в Лондоне и Париже, которые не желали расставаться с завоеваниями Крымской войны, но и в Петербурге. В Петербурге не верили, что предложения Бойста имели серьезные шансы для реализации. “Идея неплохая, но я сомневаюсь, что Наполеон с ней согласится”, – подчеркивал А.М. Горчаков⁶⁸. В частном письме Э.Г. Стакельбергу Горчаков отмечал: “Бойст, конечно, совершенно прав: в восточном вопросе это сюрприз, к которым (его. – А.М.) предшественники нас не приучили. Но он явно чрезмерно усердствует и, не попав в цель, он подвергает нас риску также ее не добиться. Я думаю, что иностранные кабинеты не верят в эту трансформацию и что они приписывают нам роль суфлера. Между тем не нужно, чтобы наши роли смешивали... Сам Бойст, несмотря на его очевидный ум, который никто не может оспаривать, пока еще новичок в той среде, горизонт которой намного обширнее, чем горизонт той страны, которой он до сих пор посвящал свои усилия. Я боюсь, что он дал себя увлечь воображению и своей сангвинистической и возбудимой натуре”⁶⁹.

⁶⁴ Международные отношения на Балканах, с. 168–181; *Јакшић Г., Вучковић В.* Спољна политика Србије за владе кнеза Михаила (Први балкански савез). Београд, 1963.

⁶⁵ К.П. Иксуль – А.М. Горчакову, 29 июня (11 июля) 1868 г. – АВПРИ, ф. 133, оп. 469, д. 150, л. 586.

⁶⁶ Э.Г. Стакельберг – А.М. Горчакову, 16(28) ноября, 23 ноября (5 декабря) 1866 г. – АВПРИ, ф. 133, оп. 469, д. 219, л. 60, 92; APP, Bd. VIII, S. 208, 260, 277; *Bridge F.R.* From Sadowa to Sarajevo. The Foreign Policy of Austria-Hungary 1866–1914. London – New York, 1972, p. 34–35.

⁶⁷ *Beust F.* Op. cit., Bd. 1, S. 54.

⁶⁸ Э.Г. Стакельберг – А.М. Горчакову, 26 декабря 1866 г. (7 января 1867 г.). – АВПРИ, ф. 133, оп. 469, д. 220, л. 308.

⁶⁹ А.М. Горчаков – Э.Г. Стакельбергу, 2 января 1867 г. – Там же, ф. 172, оп. 514/2, д. 69, л. 358–359.

Вскоре стал очевидным отход Бойста от провозглашенных им принципов новой восточной политики. “Бойсту трудно удержаться на пьедестале, на который он себя вознес, чтобы заслужить наше расположение. Чтобы добиться этой цели, нужно было использовать гранит, а не папье-маше, т.е. фразы... Слова о якобы симпатиях к христианам – это лишь вывеска, чтобы зазвать нас в лавочку”, – писал Горчаков⁷⁰. С весны 1867 г. на место идеи решения восточного вопроса “европейским концертом” все более выдвигаются планы возобновления австро-французско-английского сотрудничества и противостояния России.

Таким образом, в 1867 г. ситуация одновременно обострилась как на Востоке в связи с Критским восстанием, так и на Западе из-за Люксембургского кризиса. В этих условиях во внешнеполитических расчетах Бойста все более важную роль стала играть Франция. Сближению Вены и Парижа способствовала Зальцбургская встреча Франца Иосифа и Наполеона III в августе 1867 г. Было решено, что Франция воздержится от шагов, которые оскорбляли бы немецкое национальное чувство и компрометировали Австрию. Пражский мир должен быть сохранен. На Южную Германию следует воздействовать прежде всего “морально”: Франции – проводя мирную внешнюю политику, Австрии – пробуждая к себе симпатии немцев осуществлением либеральных преобразований⁷¹.

Отныне позитивная программа Бойста в германском вопросе заключалась, с одной стороны, в осторожном поощрении южногерманских государств к сотрудничеству, в частности, к реализации заключенной в Пражском мире возможности создания Южного союза, с другой – в тактике “морального завоевания” Германии. Осенью 1867 г. Бойст предложил премьер-министрам Баварии и Вюртемберга приступить к созданию Южного союза с включением в сферу союзных полномочий военных дел и дипломатического представительства⁷². Однако очень скоро выяснилось, что к такому союзу оказалась готовой только Бавария. Одной из причин нежелания Вюртемберга пойти на создание Южного союза была ревность к Баварии и опасения ее гегемонии. Переговоры о союзе, периодически подталкиваемые Веней, вяло тянулись до весны 1868 г., после чего сошли на нет.

Другим средством германской политики Бойста выступила тактика “морального завоевания” Германии. Если планы Южного союза, в конечном счете, служили целям оборонительным – сохранению статус кво в Германии и безопасности немецких провинций Австрии, то концепция “морального завоевания” была оружием наступательным. Австрию следовало превратить в образцовое конституционное государство, которое составило бы разительный контраст с консервативной Пруссией. Франц Иосиф заявил прусскому посланнику, что он будет соперничать с Пруссией только в одном отношении – даря своим землям институты, которые Пруссия была бы не в состоянии перенять⁷³.

Наряду с внутренними преобразованиями, орудием “морального завоевания” Южной Германии стало активное влияние на прессу, с помощью которого Бойст создавал позитивный облик Австро-Венгрии как конституционного государства⁷⁴. Важным преимуществом тактики “морального завоевания” было выдвижение на передний план не национального, а идеологического аспекта германской политики, вследствие чего эта политика могла рассчитывать на поддержку австронемецких либералов. Один из них писал по поводу создания “буржуазного министерства”: “Такого рода популярное и парламентское министерство невольно вновь повернет глаза и сердце Германии на

⁷⁰ А.М. Горчаков – Э.Г. Стакельбергу, 6 апреля 1867 г. – Там же, л. 207.

⁷¹ *Beust F.* Op. cit., Bd. 2, S. 133–134; *APP*, Bd. IX, S. 192; *Lutz H.* Österreich-Ungarn, S. 77–78; *Pothoff H.* Op. cit., S. 145.

⁷² *Beust F.* Op. cit., Bd. 2, S. 138; *APP*, Bd. IX, S. 335, 361–362, 368–369; *Hohenlohe Ch.* Op. cit., S. 278–279; *Lutz H.* Österreich-Ungarn, S. 89.

⁷³ *APP*, Bd. IX, S. 193, 205.

⁷⁴ *Naujoks E.* Bismarcks auswärtige Pressepolitik und die Reichsgründung (1865–1871). Wiesbaden, 1968, S. 253–280; *Krebs B.* Op. cit., S. 153.

Австрию. Это лучшее возмездие, которое Австрия может совершить в отношении Пруссии”⁷⁵. Вместе с тем, проявились слабость и ограниченность тактики “морально-го завоевания”, поскольку в большей части Южной Германии Австрию традиционно поддерживали как раз те силы, с которыми, проводя свою либеральную политику, Бойст боролся внутри страны⁷⁶. Избирательный либерализм, относившийся преимущественно к немецкому и венгерскому населению империи, был чреват нежелательными с точки зрения внутреннего единства Австро-Венгрии последствиями. Бисмарк, говоря о желании Бойста “соревноваться в либерализме” с Пруссией, отмечал, что “центробежные элементы в Австрии слишком сильны”. Бойст “не может освобождать одни (силы. – А.М.), связывая другие”⁷⁷.

В целом усилившаяся активность Бойста в Южной Германии сыграла свою роль в наступлении в 1868 г. нового этапа в германском вопросе, характеризовавшегося в первую очередь долговременным охлаждением отношений между Австро-Венгрией и Пруссией.

К этому времени достигли низшей точки падения и австро-русские отношения. В мае 1867 г. эти отношения испытали серьезный удар в связи с проведением в Москве этнографической выставки и Славянского съезда, на который съехалось много австрийских славян⁷⁸. Бойст воспринял “панславистскую демонстрацию” как вмешательство во внутренние дела Австро-Венгрии, началась газетная кампания против России. В России представление о Бойсте как о враге славянства, возникшее из-за его роли в создании двуединой Австро-Венгерской монархии с ее антиславянской направленностью, упрочилось. Одним из самых ярких примеров стало выступление на страницах “Московских ведомостей” поэта и дипломата Ф.И. Тютчева, поводом к которому послужила неудачная фраза, будто бы сказанная Бойстом: “Славян нужно прижать к стене”⁷⁹. В стихотворении “Австрийским славянам” Тютчев писал: «Они кричат, они грозятся: “Вот к стенке мы славян прижмем!” Ну, как бы им не оборваться в задорном натиске своем?».

Антиславянская риторика Бойста, получившая широкую известность, стала существенным фактором, омрачавшим как австро-русские отношения, так и политику рейхсканцлера в глазах австрийских славян. В целом, представление современников о Бойсте как об “отъявленном русофобе”⁸⁰ и враге славянства разделяется современными историками⁸¹.

Однако антиславянский пафос Бойста не распространялся на австрийских поляков. Бойст, с одной стороны, обращал внимание Франца Иосифа на необходимость “без всякой враждебности к польской национальности смирить гордыню поляков, которые иначе рано или поздно доведут Австрию до конфликта с Россией”⁸², с другой – рассчитывал на поддержку поляков в случае войны Австрии с Пруссией или Россией⁸³.

⁷⁵ Briefe zur deutschen Politik in Österreich von 1848 bis 1918, S. 46.

⁷⁶ APP, Bd. IX, S. 827, 846, 859; Bray an Kg. Ludwig II. Wien, 16. März 1868. – BHStA. MA, III 2436.

⁷⁷ APP, Bd. IX, S. 699.

⁷⁸ Славянские съезды XIX–XX вв. М., 1994; Славянские съезды и проблемы славяноведения. Ставрополь, 2008.

⁷⁹ Бойст писал, что в беседе с наместником Галиции А. Голуховским он сказал, что в случае голосования галицийского ландтага за рейхсрат “славяне будут приперты к стенке”, т.е. не смогут возражать. – *Beust F.* Op. cit., Bd I, S. 5; “Славян я не прижимал к стене, как они полагают, но я был с ними в борьбе; немцам я оказал многочисленные и большие услуги”. – *Beust F.* Op. cit., Bd. II, S. 462; *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания, т. II. М., 1940, с. 169.

⁸⁰ *Милотин Д.А.* Воспоминания 1868 – начало 1873 гг. М., 2006, с. 279.

⁸¹ “Одним из самых глубоких убеждений Бойста была враждебность к славянам, полная презрения и иногда непонятная”. – *Tapié V.-L.* Op. cit., p. 8.

⁸² *Beust an Franz Joseph*, 25. Januar 1867. – HHStA, Kabinettsarchiv Geheimakten, K. 17a.

⁸³ *Potthoff H.* Op. cit., S. 81.

Еще одной причиной обострения австро-русских отношений стало то обстоятельство, что с конца 1867 г. Россия стала уступать Австрии прежде преобладающее влияние в ключевой балканской стране – Сербии. В значительной степени это происходило под влиянием Венгрии⁸⁴.

К концу 1868 г. Австро-Венгрия подошла с весьма напряженными отношениями как с Россией, так и особенно с Пруссией. В сочетании с обострением ситуации вокруг Дунайских княжеств, все это привело к острому кризису на Балканах. Пользуясь тем, что Бухарест предъявлял претензии на Трансильванию, часть Венгрии (тем самым задетыми оказались венгерские интересы), а также широко используя то обстоятельство, что на румынском троне сидел князь Карл из прусской династии Гогенцоллернов, который опирался на военную помощь Пруссии, Бойст представлял Дунайские княжества как “прусский арсенал”. Конфликт имел и характер личного соперничества между Бойстом и Бисмарком. Прусский канцлер дал указание прессе “показать господину Бойсту зубы”. Была начата кампания в прессе, в которой Бойст изображался как главное препятствие миру еще с его саксонских времен⁸⁵. Прусские газеты были полны оскорбительных личных нападок на Бойста. В этих условиях Франц Иосиф оказал своему канцлеру демонстративную поддержку: в разгар кризиса Бойст был возведен в графское достоинство. Ведущая либеральная газета Австрии “Нойе фрайе Прессе” писала: “Мы поздравляем графа Бойста. Теперь он канцлер, как Бисмарк, граф, как Бисмарк; пусть бы он также когда-нибудь добился для Австрии таких же успехов, каких добился для Пруссии его пока более известный противник”⁸⁶.

К январю 1869 г. напряжение между Австро-Венгрией и Пруссией достигло такой степени, что стало напоминать обстановку накануне войны 1866 г.⁸⁷ Однако вскоре венгерский премьер-министр Андраши, получив разъяснения из Берлина, оказал давление на Бойста. В свою очередь, Бисмарк предъявил Бухаресту ультиматум, угрожая разрывом отношений: “Мы хотим иметь венгров друзьями, чтобы Бойст не смог осуществить коалицию против Пруссии”⁸⁸. Это способствовало урегулированию самого острого кризиса австро-русских отношений после 1866 г.

“ГОД ГОРЬКИХ СТРАДАНИЙ” И ОТСТАВКА

“Годом горьких страданий” Бойст назвал 1870 г. – год франко-германской войны, принесшей крах его германским надеждам. Время до войны было отмечено некоторым смягчением отношений между Веной и Берлином. Нечто подобное происходило и с австро-русскими отношениями, хотя их нормализации препятствовало недоверие русской дипломатии лично к Бойсту. “Он полагает себя призванным Провидением, чтобы в первую очередь смирить Пруссию, отомстить за катастрофу под Садовой и разделить с ней главенство в Германии; затем противостоять России, чтобы заменить то влияние, которое мы оказываем на славянские народы под владычеством Турции, влиянием Венгрии; наконец, привлечь внимание всего мира к тем опасностям, которые каждое мгновение появляются со стороны Сербии, Румынии и Греции, чтобы помочь османскому правительству укрепить свой пошатнувшийся авторитет за счет благосостояния и независимости христианских народов Востока”, – писал К.П. Иксуль⁸⁹.

⁸⁴ Медяков А.С. Югославянская политика Андраши (1867–1871 гг.). – Центральная Европа в новое и новейшее время. М., 1998.

⁸⁵ *Bismarck O. GW, Bd.6a, S. 434, 441.*

⁸⁶ *Neue Freie Presse, 08.XII.1868.*

⁸⁷ *Bray an Hohenlohe, 12. Jan. 1869. – BHStA. MA, III. 2437; APP, Bd. X, S. 443.*

⁸⁸ *Bismarck O. GW, Bd.6a, S. 430, 444; APP, Bd. X, S. 280, 281; Калай Б. Дневник Бенјамина Калаја 1868–1875. Београд – Нови Сад, 1976, с. 171.*

⁸⁹ К.П. Иксуль – А.М. Горчакову, 21 декабря 1868 (2 января 1869 г.). Помета Александра II: “Это совершенно верно”. – АВПРИ, ф. 133, оп. 469, д. 151, л. 299.

Однако относительная разрядка ситуации на Балканах в связи с фактическим прекращением к 1869 г. Критского восстания привела к нормализации отношений между Россией и Австро-Венгрией, вершиной которой стала личная встреча между Горчаковым и Бойстом в швейцарском местечке Уши осенью 1869 г.

Оба канцлера не питали друг к другу личных симпатий. Горчаков писал: “Я не верю твердящим, что Бойст показал себя как решительный противник России, но я также не доверяю и ему, видя подвижность его духа и непреодолимую потребность производить эффект и шум”⁹⁰. Бойст, отмечая, что его главными политическими противниками повсеместно считались Бисмарк и Горчаков, проводил между ними четкую грань, полагая, что если вражда Бисмарка все же была предметно обоснована, то Горчаков просто пытал к нему личную неприязнь⁹¹. Тем не менее, встреча в Уши принесла позитивные результаты для австро-русских отношений.

По восточному вопросу австрийский канцлер дал официальные заверения об отсутствии у Австрии территориальных вождедений, а также о воздержании от любого “материального вмешательства” в том случае, если начнется борьба между Портой и ее христианскими подданными. Иными словами речь фактически шла о принятии принципа невмешательства великих держав, предложенного Россией в связи с Критским восстанием. В отношении польского и германского вопросов также были сделаны примирительные заявления⁹². Несмотря на сомнения Горчакова в искренности Бойста, встреча в Уши стала новой точкой отсчета австро-русских отношений, которые продолжили постепенно улучшаться вплоть до начала франко-германской войны.

Определенное затишье в австро-русских и австро-прусских отношениях стало тем фоном, на котором началась новая фаза контактов между Австро-Венгрией и Францией: они вступили в переговоры о заключении формального союза, к которому позднее подключилась Италия. Переговоры продолжались до осени 1869 г., однако противоречия между участниками предполагаемого союза, в частности, нежелание Бойста придавать ему антигерманскую направленность, а также неготовность Франции пойти навстречу требованиям Италии в римском вопросе⁹³ предопределили конечную неудачу. Итогом стал обмен письмами между тремя суверенами, содержавшими лишь расплывчатые обещания помощи и обязательство не вступать ни в какие иные союзы⁹⁴.

На протяжении австро-французских переговоров едва ли не главной проблемой был вопрос “почвы”, на которой могло состояться франко-прусское столкновение. Главным был фактор национализма, из которого вытекало, что, учитывая настроения венгров, а также немцев, как в Австрии, так и за ее пределами, исходной точкой для конфликта ни в коем случае не мог служить германский вопрос.

Именно так на первых порах выглядела история с кандидатурой Гогенцоллерна на испанский престол⁹⁵ – речь шла о династическом и сугубо прусском деле, далеком от Германии как географически, так и политически. Бойст, не скрывая радости, говорил о близорукости Бисмарка. Баварскому поверенному в делах он заявил, что не понимает Бисмарка: ведь снятие кандидатуры Гогенцоллерна под давлением Франции означало бы позор Пруссии, а война складывалась бы очень неблагоприятно для Пруссии.

⁹⁰ А.М. Горчаков – Э.Г. Стакельбергу, 17 сентября 1867 г. – Там же, ф. 172, оп. 514/2, д. 69, л. 85.

⁹¹ *Beust F.* Op. cit., Bd. 2, S. 259.

⁹² А.М. Горчаков – Александру II, 8 (20) сентября 1869 г. – АВПРИ, ф. 133, оп. 469, д. 41, л. 227–229.

⁹³ Итальянцы требовали отказа папы от Рима и превращения этого города в столицу Итальянского королевства.

⁹⁴ *Tapié V.-L.* Op. cit.; *Bled J.-P.* Une occasion manquée: le projet d’alliance franco-autrichienne (1867–1870). – *Études danubiennes*, 1990, № 6.

⁹⁵ *Becker J.* Von Bismarcks “spanischer Diversion” zur “Emser Legende” des Reichsgründers. – *Lange und kurze Wege in den Ersten Weltkrieg*. München, 1996, S. 87–113; *Wetzel D.* Duell der Giganten. Bismarck, Napoleon III. und die Ursachen des deutsch-französischen Krieges 1870–1871. Paderborn – München – Wien – Zürich, 2004, S. 79–115.

“Южная Германия не будет гореть желанием добыть испанскую корону для одного из Гогенцоллернов”⁹⁶.

Русский поверенный в делах, нашедший Бойста “в жизнерадостном и шутливом настроении”, записал его высказывание: “Какая ошибка Бисмарка – поощрять кандидатуру, столь одиозную в Париже, не прозондировав заранее почву... В Тюильри говорят высокомерно, потому что чувствуют поддержку всей нации... Бисмарк оказался в открытой вражде с правительством Франции, и это на почве совершенно неблагоприятной, поскольку, в то время как Франция поднимается как один человек против прусского проекта, добрые немцы мало озабочены вступлением в борьбу для того, чтобы завоевать трон для маленького швабского принца”⁹⁷.

Действительность обманула ожидания Бойста: надвигавшаяся война все более явно приобретала для немцев национальный характер. На решающем заседании совета министров, состоявшемся 18 июля 1870 г., за день до объявления Францией войны Пруссии, Бойст высказался за выжидательный нейтралитет и постепенное вооружение. К нейтралитету подталкивало состояние общественного мнения, особенно позиция австрийских немцев и венгров, ни в коем случае не желавших вмешательства Австро-Венгрии в пользу Франции, а также позиция России. Объясняя в Париже австрийский нейтралитет, Бойст заявил: “мы знаем, что Россия... немедленно вступит в действие, если мы возьмемся за оружие... Русский нейтралитет зависит от нашего”⁹⁸.

Касательно планов Бойста во время войны 1870–1871 гг. имеются лишь косвенные свидетельства. Главным для него был национальный характер войны, а именно поддержка Пруссии всеми германскими государствами, в том числе южными, и националистический поворот общественного мнения в Германии и немецких провинциях Австрии. В июльские дни 1870 г. прусский посол генерал Л. фон Швейниц писал в дневнике, что зависть к Бисмарку, ненависть к Пруссии и личное тщеславие толкали Бойста к тому, чтобы выступить против Пруссии. Но пойти “против Великой Германии и против всех либеральных немцев Австрии было невозможно для бывшего представителя идеи триады”⁹⁹. Бойст так описывал свою позицию в начале войны, когда ожидалось вторжение Франции в Германию: “Мог наступить момент вновь обрести почву в Германии, если Австрия в этом случае со словами: Стой! – встала бы между ними”¹⁰⁰. Тогда Германия была бы отвоевана не только в политическом, но и в моральном отношении.

Однако молниеносные победы пруссаков разрушили эти планы. Отныне все свои надежды Бойст связывал с посредничеством великих держав, призванным ограничить военные приобретения Пруссии. Австрийский канцлер считал желательным, чтобы инициативу и ответственность в посредничестве взяла на себя Россия. Горчаков писал по этому поводу: «Господин Бойст как будто бы поет арию Церлины из “Дон Жуана”: “Хочу и не хочу”. Но так как решительность может иметь нежелательные последствия, он хочет облачить в нее нас»¹⁰¹.

Активность Бойста привела к очередному обострению в его противостоянии Бисмарку. В начале сентября 1870 г. по личному указанию Бисмарка в прессе была развязана кампания против Бойста с целью его смещения¹⁰². Прусский канцлер обратился в Петербург с предложением создать “консервативную Антанту” между Германией, Россией и Австрией, “если последнюю удастся освободить от губительного влияния

⁹⁶ Fugger an Kg. Ludwig II, 7. Juli 1870. – BHStA, Gesandtschaft Wien, 1712.

⁹⁷ А. Васильчиков – А.М. Горчакову, 28 июня (10 июля) 1870. – АВПРИ, ф. 133, оп. 470, д. 145, л. 306–307.

⁹⁸ Vitzthum K. Denkwürdigkeiten 1866 bis 1873. Dresden, 1894, S. 199.

⁹⁹ Schweinitz L. Denkwürdigkeiten des Botschafters General v. Schweinitz. Bd. 1. Berlin, 1927, S. 264–265.

¹⁰⁰ Beust F. Op. cit., Bd. 2, S. 437.

¹⁰¹ А.М. Горчаков – Е.П. Новикову, 30 августа 1870 г. – АВПРИ, ф. 133, оп. 430, д. 148, л. 174.

¹⁰² Bismarck O. GW, Bd. 6 b, S. 470–471, 479–480.

Бойста”¹⁰³. Однако вмешательство Бисмарка привело к противоположному результату: пошатнувшееся было положение Бойста вследствие нападков прусской прессы вновь упрочилось¹⁰⁴.

Нота Горчакова от 31 (19) октября 1870 г. об отказе России выполнять условия Парижского трактата о нейтрализации Черного моря не только разом повернула внимание великих держав от германского вопроса к восточному, но и затронула личные позиции Бойста. Предложенный Бойстом умеренный курс под давлением Андраши был изменен на более воинственный, причем вновь не без личных мотивов: “Впрочем, мне кажется, что в Вене речь идет вовсе не о Черном море и что оно не более чем повод для битвы за портфель. Бойст или Андраши. Андраши или Бойст”, – писал Горчаков¹⁰⁵.

В итоге Бойст, видя желание южногерманских государств вступить в создававшуюся Германскую империю и не имея более надежды на вмешательство во франко-германскую войну великих держав¹⁰⁶, смирился с неизбежным. 4 декабря 1870 г. он встретился с прусским послом и заявил ему, что Австро-Венгрия не собирается “противопоставлять право Пражского мирного договора логике могучих событий, с помощью которых руководство новым германским союзом досталось прусской короне”¹⁰⁷. Иными словами, Бойст фактически признал объединение Германии под эгидой Пруссии. По сути это признание подвело черту под 150-летней историей австро-прусского соперничества.

Разгромленная Франция, активизировавшаяся на Востоке Россия и, главное, объединенная “железом и кровью” под эгидой Пруссии новая Германская империя – все это означало начало нового этапа европейской истории. Дунайской монархии нужно было определять свою дальнейшую политику.

Бойст попытался примениться к изменившимся обстоятельствам – но тем самым лишь упрочил свою славу политического эквилибриста. Вот что писал о нем русский посланник в Вене Е.П. Новиков: “Без сомнения, господин Бойст был бы счастлив поспорить нас с берлинским кабинетом, создать между Австрией и Пруссией сердечное согласие и применить его на пользу восточным видам своего правительства. Но это не его личная программа. С тех пор, как Австрия была исключена из Германии и Италии, ее действия вовне вынужденно смещаются в сторону Востока, и все государственные мужи, которые будут призваны направлять ее внешнюю политику, должны будут это учитывать в определенной степени... Бойст слишком эгоист, чтобы приложить руку к столь обширному замыслу, осуществление которого скорее пристало энергичному и авантюрному характеру Андраши. Человек (почтовых. – А.М.) экспедиций и дипломатических пируэтов, австро-венгерский канцлер руководствуется лишь интересом момента, он чувствует ветер, с какой бы стороны он не дул, и всегда прокладывает самую удобную дорогу через происходящие события... Сейчас он угрожает Германии, подобно тому как он поочередно угрожал: России – видимостью своей антитурецкой политики; Франции – комедией Зальцбурга; Турции – восточной поездкой императора¹⁰⁸; чехам и полякам – своими попытками федерализма; либералам – своими нежностями с Италией и суровостью к папе¹⁰⁹... Дуализм распахнул двери партикуляристским

¹⁰³ Помета Александра II: “Я не просил бы большего”. – А.М. Горчаков – Александру II, 9 сентября 1870 г. – АВПРИ, ф. 133, оп. 470, д. 43, л. 305.

¹⁰⁴ Schweinitz L. Op. cit., S. 274–275; Bismarck O. GW, Bd. 6 b, S. 506.

¹⁰⁵ А.М. Горчаков – Е.П. Новикову, 18 ноября 1870. – АВПРИ, ф. 172, оп. 514/2, д. 82, л. 37.

¹⁰⁶ “Неожиданное возбуждение восточного вопроса, несомненно, оказало определяющее влияние на поведение к.к. (кайзеровско-королевского. – А.М.) правительства касательно преобразования отношений в Германии”, – доносил баварский посланник. – Schrenk an Kg. Ludwig II, 5. Dezember 1870. – ВНStA, МА, III. 2439.

¹⁰⁷ Correspondenzen, № 4 (Nachtrag), S. 6.

¹⁰⁸ Осенью 1869 г. Франц Иосиф и Бойст присутствовали на открытии Суэцкого канала.

¹⁰⁹ Летом 1870 г. Бойст отменил существовавший с 1855 г. Конкордат с католической церковью.

тенденциям всех национальностей империи: венгры преследуют свою химеру господства на Востоке; немцы раздраемы между страхом и желанием быть поглощенными их великой родиной; поляки мечтают о своей независимости; чехи – о славянской конфедерации под покровительством России, хорваты об отдельном королевстве на Адриатике... В столь эклектичном государстве и министру следует быть такого же склада. Создатель дуализма, Бойст понимает, что он падет вместе с этой системой и вся его деятельность сводится к искусным комбинациям, чтобы ее продлить. Вне этого все большие проблемы внешней и внутренней политики Австрии оставляют его равнодушным под маской парадного патриотизма”¹¹⁰.

В меморандуме от 18 мая 1871 г. Бойст выступил с обоснованием политики Австро-Венгрии в связи с новым положением в Европе. Выход из создавшейся ситуации Бойст видел в курсе на сближение с Германией. Вместе с тем, австрийский канцлер продолжал оставаться германским политиком старой школы и не собирался безоглядно бросать Австро-Венгрию в объятия Германии. Связь с Германией мыслилась им в духе Германского союза, то есть на основе предварительных консультаций.

События вновь внесли коррективы в планы Бойста и в итоге привели к его падению. В феврале 1871 г. по личной инициативе Франца Иосифа в австрийской половине империи было назначено новое правительство. Обсуждались планы коронации Франца Иосифа богемской короной и перспективы дальнейшей федерализации монархии Габсбургов. Канцлер резко выступил против подобных планов и, поддержанный венграми, добился отказа от них и отставки нового правительства. Однако для самого Бойста эта победа оказалась пирровой – возмущенный столь категорическим неприятием своей инициативы, Франц Иосиф вынудил Бойста 6 ноября 1871 г. подать в отставку.

К моменту отставки Бойст не располагал сколько-нибудь серьезной поддержкой внутри страны. За границей он также не пользовался доверием. Несмотря на все усилия сблизиться с Германией, Бойст не мог развеять многолетнего недоверия к себе со стороны Бисмарка. Не мог Бойст рассчитывать и на расположение России: Александр II и Горчаков считали его “Иудой” и “величайшим врагом России”. Не жалели об уходе Бойста и в Париже. Там считали, что во время войны с Пруссией он, вопреки обязательствам, бросил Францию на произвол судьбы¹¹¹.

“Эра Бойста” закончилась. Его альтернативы не удались, его более удачливые соперники, Бисмарк и Андраши, ставший преемником Бойста на посту министра иностранных дел Австро-Венгрии, прочертили иные линии германской, австрийской, венгерской, балканской и общеевропейской политики.

Историкам остается лишь ответить на вопрос, прав ли был Бойст, когда на закате жизни так подвел ее итог: “можно сказать, что я проиграл, но нельзя утверждать, что я ошибался”¹¹².

¹¹⁰ Е.П. Новиков – А.М. Горчакову, 15 (27) января 1871 г. – АВПРИ, ф. 133, оп. 470, д. 122, л. 19–22.

¹¹¹ *Beust F. Op. cit., Bd. 2, S. 390.*

¹¹² *Ibid., S. 34.*